

УДК 301

В.И. НОВИЦКИЙ, М.Е. АБРАМЕНКО

ЧЕЛОВЕК СВОЕГО ВРЕМЕНИ

В статье отражена судьба одного из видных государственных и политических деятелей Беларуси президента Белорусской академии наук министра здравоохранения Ивана Захаровича Сурты. Он являлся представителем того слоя руководителей, которые в результате глубокого переворота общественного уклада жизни в 1917 г. вышли из толщи народной жизни. В короткое время они сумели возглавить и проявить себя в деле на различных участках государственно-партийного и хозяйственного строительства. Однако логикой исторического развития страны периода становления и утверждения нового государства участь многих выдвинутых этой бурной эпохи была predetermined. И.З. Сурта разделил трагическую судьбу самых разных людей из народа, в т.ч. целой группы руководителей республики 30-х гг. прошлого столетия. Некоторые из них проработали в должности совсем немного и были репрессированы, судьба других осталась неизвестной. Авторами изложено наиболее подробное жизнеописание И.З. Сурты. В работе использованы сведения, имеющиеся в архивах ФСБ Российской Федерации, КГБ Республики Беларусь, других источниках.

В современном обществе широко обсуждается проблема роли человека в истории. Высказываются на этот счет различные мысли, среди которых все же преобладает главная – именно человек своими делами создает историю. Сделанное им зависит не только от его потенциальных возможностей, но и времени, в котором приходилось жить и работать. Каждый исторический период “выбирает” личностей, способных смотреть немного дальше других, решать новые проблемы, вести за собой людей. Это диалектика прогресса.

Человеком своего времени являлся третий по счету президент Национальной академии наук Беларуси Иван Захарович Сурта. Он возглавлял коллектив всего восемнадцать месяцев в течение 1936 – 1937 гг. Его жизнь оборвалась на взлете творческих и физических сил. В 44 года Сурта стал жертвой политических репрессий, которые в то время достигли своего апогея. Затем наступила эпоха забвения как врага народа. После реабилитации в 1956 г. за недоступностью архивных материалов творческий путь Сурты не исследовался. Время требует раскрыть роль и место этого деятеля в истории белорусского народа, тем более что некоторые исследователи считают, что благодаря своей предшествующей деятельности в системе ОГПУ Сурта содействовал аресту ученых. Анализ документов, имевшихся в нашем распоряжении, не подтверждает такие факты.

Сложилось так, что Сурте посвящено только несколько материалов, главным образом справочного характера [1].

Между тем, И.З. Сурта был крупным политическим деятелем Беларуси середины 30-х гг. прошлого столетия, кандидатом в члены бюро ЦК КП(б)Б, членом Президиума ЦИК БССР, наркомом охраны здоровья, президентом Академии наук. Он представлял руководителей, вышедших в ходе глубокого общественного переворота из толщи народной жизни, возглавивших крупные участки государственно-партийного и хозяйственного строительства благодаря природной энергии, своим организаторским качествам.

Иван Захарович Сурта родился 22 ноября 1893 г. в деревне Беседовичи Хотимского района Могилевской области в бедняцкой семье Захара Ермолаевича и Анастасии Григорьевны, насчитывающей трех сыновей и четырех доче-

рей. Старшим являлся Иван, и родители, заметив старание и способности сына, старались дать ему образование. Летом мальчик батрачил, а зимой шел в город учиться. После пяти классов Иван поступил в Могилевскую мужскую фельдшерскую школу. В числе 64 выпускников 1914 г. [2] с дипломом фельдшера он был призван в армию. Службу проходил рядовым в одном из госпиталей Западного фронта, где выхаживал раненых солдат и офицеров, был старшим лекпомом команд выздоровления, исполнял обязанности врача 50 корпуса 2-й армии. Здесь он прошел суровую школу медицинской службы в фронтовых условиях [3].

Затянувшаяся война, человеческие утраты, плохое материальное обеспечение вызвали недовольство в солдатских массах политикой царского правительства. В этих условиях активизировали свою пропаганду различные политические партии. На чью сторону встать, по какой политической дороге пойти – вот что волновало военного фельдшера в то время. После некоторых колебаний примкнул к группе анархистов-коммунистов, идейные позиции которых разделял до 1916 г.

После возвращения из армии в родные места активно включился в процесс организации советской власти в деревне. Являясь членом Беседовичского сельсовета, он становится активным проводником политики большевиков в деревне. Проводит политическую и санитарно-просветительскую работу среди населения, агитирует за новую власть, которую сам поддерживал всей душой. Почувствовав на своих близких тяжесть малоземельной жизни, создает в Беседовичах первую в Хотимском районе сельскохозяйственную коммуну. В дальнейшем на ее базе был создан колхоз «III Интернационал». До 1940 г. в коллективном хозяйстве работали родители Ивана Захаровича. Только после достижения семидесятилетнего возраста они вынуждены были переехать на жительство к дочери в Раменский район Московской области. До конца своих дней И. Сурта не терял связей с колхозом, помогал, чем мог, ежегодно навещая Беседовичи.

Конечно же, масштабы сельсовета были малыми для активного и подготовленного работника. Вступив в апреле 1918 г. в партию большевиков, член Хотимского волостного Совета И.З. Сурта избирается председателем Климовичского уездного исполкома. Исполняя новые обязанности, принимает участие в организации подразделений Красной Армии, комбедов, представляет уезд на V Всероссийском съезде Советов. В январе 1919 г. молодой энергичный работник выдвигается заместителем председателя Могилевского губисполкома.

В соответствии с решениями в Москве, принятыми в феврале 1919 г., губернский центр переносился из Могилева в Гомель. Переведенный на новое место назначения И.З. Сурта стал председателем Гомельского губисполкома и членом губкома РКП(б).

В короткие сроки были решены организационные вопросы работы аппарата исполкома, определены рамки деятельности отделов и назначены руководители, но главной в этот период деятельности властей являлась борьба с эпидемиями. В январе 1920 г. в губернии разразилась эпидемия тифа. Исполком принимал оперативные меры по организации медперсонала, обеспечению должного санитарного состояния города, приобретению средств дезинфекции, устройству бань и санпропускников. В этой работе раскрылись лучшие качества молодого руководителя: самоотверженность и умение мобилизовать людей на выполнение сложных и напряженных задач.

Недолго довелось Ивану Захаровичу заниматься хозяйственной деятельностью. Конец 1920 г. поменял сферу его деятельности. Он переходит в аппарат Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями при Совете Народных комиссаров (СНК). 19 ноября

1920 г. Оргбюро ЦК специально рассматривает вопрос: “Просьба т. Дзержинского откомандировать т. Сурту в распоряжение ВЧК”. Принимается положительное решение, и Иван Захарович возглавил оперативный отдел ВЧК, а потом – ОГПУ [4]. Для нас остается невыясненным, когда и при каких обстоятельствах состоялось знакомство Дзержинского с Суртой.

А может быть, такого предварительного личного знакомства и не было. В архивных материалах сохранились письма руководителей ЦК РКП(б) в адрес губкомов с просьбой о направлении в руководящие структуры молодой республики наиболее подготовленных теоретически и дельных специалистов. Часто использовался и такой путь выдвижения на ответственную работу в Москву.

На новом месте Иван Захарович блестяще справлялся со своими служебными обязанностями, продолжая при этом учебу на лечебном факультете I Московского университета.

Заключение Центральной Аттестационной Комиссии, которая 13 июля 1922 г. дала следующую характеристику Сурте: “Внимательный, способный, с большой инициативой, настойчивостью и деловым упорством, с широким политическим кругозором, с делом справляется чудесно, характер мягкий, иногда медлительный, работник ценный”, подтверждает это [4].

Деятельность И.З. Сурты по борьбе с контрреволюцией была отмечена награждением именованным оружием и почетной грамотой ведомства. В 1926 г. И.З. Сурта освобождается от оперативной работы и возглавляет партийную организацию аппарата ОГПУ, что требовало от него дополнительной собранности и такта, ответственности и взвешенности в принятии решений.

Новые обстоятельства приводят Сурту к мысли о необходимости дальнейшего образования, хотя медфак университета он уже закончил. По его просьбе он был освобожден от обязанностей секретаря парторганизации и принят на учебу в Институт красной профессуры. Это учебное заведение являлось в то время кузницей кадров преподавателей общественных наук, а также здесь проходили подготовку будущие работники научно-исследовательских учреждений, центральных партийных и государственных органов. Быстротечно время учебы – и Иван Захарович возвращается в родную сторонку, в Беларусь.

9 июня 1932 г. Президиум Академии наук выбирает его вице-президентом. Относительно научной деятельности можно отметить, что еще в годы учебы в ИКП на отделении естествознания он подготовил небольшую брошюру по сути учения И. Павлова. Упоминалось его участие в философских дискуссиях против “меньшевиствующих идеалистов и механистов”. Являлся членом делегации философов и ученых в области естествознания, которая посещала Сталина, где, очевидно, уточнялись идеологические принципы подобных дискуссий [4]. В ту пору этот параметр наличия научных трудов не был главным при выдвижении.

В должности вице-президента он проработал до 29 ноября 1933 г. и был освобожден в связи с назначением Комиссаром здравоохранения республики. К этому времени в ведомстве сложилась напряженная обстановка. Накануне состоялось объединенное заседание Президиума ЦК КП(б)Б, Коллегии НК РКИ и ЦСПСБ, на котором была дана оценка деятельности Наркомздрава за предыдущие годы [5]. Ситуацию подогрела газета “Правда” – центральный орган ЦК ВКП (б), опубликовавшая острую критическую статью о положении дел в Хойникской больнице и о враче этого учреждения некоем Колсове, подозревавшемся в связях с троцкистами. В лечебных учреждениях республики были проведены собрания трудовых коллективов, на которых обсуждалась статья, и окончательная оценка была выставлена на вышеуказанном совещании. Оно

обратило внимание на то, что “руководство наркомата не вело решительной борьбы с активизирующимися классово-вражескими элементами и не приняло мер к очистке от них медицинских учреждений”.

В итоге Г.М. Шпекторов, возглавлявший перед этим несколько месяцев наркомат, был снят с работы, освобождены от должностей и назначены вновь 12 членов коллегии [6]. Был, правда, отмечен и один существенный недостаток: за три года количество врачей на селе увеличилось только на 21 человек. Причина явления лежала в экономических и финансовых проблемах республики, возможностях медицинских учебных заведений.

В такой обстановке приходилось начинать молодому наркому. К тому же в стране резко усилилась социальная напряженность, после проведенной коллективизации были введены продовольственные карточки. Усилившаяся в связи с голодом миграция населения, а также неудовлетворительное санитарное состояние ряда территорий способствовали эпидемическому росту инфекционных заболеваний: тифов и дизентерии. С конца 1933 и до весны 1934 г. для стабилизации обстановки наркоматом принимались меры чрезвычайного характера. Создавались штабы, комиссии, формировались из работников наркомата и лечебных учреждений эпидотряды для борьбы с инфекциями. О проводимой работе постоянно информировались органы власти.

В связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой в республике были приняты меры по укреплению органов санитарной инспекции. Утвержденное в 1934 г. Положение о государственной санитарной инспекции при Наркомздраве Беларуси положило начало систематизированной разработке и контролю за исполнением санитарных норм и правил.

Оставалась значимой в республике проблема краевой патологии (малярия, зоб, склерома). Для ее решения создавались новые лечебно-профилактические учреждения. Начал функционировать офтальмологический институт в Гомеле, первый противозобный диспансер был организован в Минске.

В целом положительную оценку сделанному в сфере здравоохранения дал XI Всебелорусский съезд Советов, где с отдельным докладом выступил И.З. Сурта. Здесь же на съезде он избирается членом ЦИК БССР [7].

По инициативе наркома и его активном участии были приняты важные решения СНК БССР по подготовке врачебных кадров, развертыванию детских учреждений в сельской местности, повышению зарплаты медицинским работникам и др. Вся эта напряженная деятельность сочеталась с все возрастающими дополнительными общественными нагрузками. Являясь членом ЦК КП(б)Б, в 1936 г. был избран кандидатом в члены бюро ЦК КП(б)Б и членом Президиума ЦИК БССР.

Немногим более 2 лет довелось ему руководить наркоматом здравоохранения.

В начале 1936 г. в связи с переводом на другую работу прежнего президента Академии наук П. Горина встал вопрос о замещении должности. По согласованию с руководством республики 15 февраля 1936 г. сессия Академии наук под председательством вице-президента народного писателя республики Я. Коласа единогласно избрала И.З. Сурту действительным членом Белорусской академии наук, членом Президиума и президентом Академии [8].

Новый президент академии начал активную работу по переработке Устава высшего научного учреждения страны, была предпринята попытка активизации деятельности научно-исследовательских институтов, оптимизировалась их структура. Руководство академии усилило контроль за эффективностью их научно-исследовательской деятельностью.

Однако решать эти проблемы в конструктивном ключе становилось все сложнее. Страну накрывал “девятый вал” репрессий 1937 г.

В апреле был арестован нарком внутренних дел Георгий Молчанов, в мае – нарком земледелия Казимир Бенек и командующий Белорусским военным округом командарм 1-го ранга Иероним Уборевич, в середине июня был арестован в Москве председатель СНК БССР Николай Голодед, закончил жизнь самоубийством председатель ЦИК БССР Александр Червяков.

В условиях развернувшихся тотальных “зачисток” не могли оставаться без арестов сотрудники Академии. Большую потерю понесла наука в связи с арестом 26 декабря 1936 г. вице-президента АН БССР, директора Института экономики Томаша Домбалья. Ученого обвиняли в шпионаже на пользу не существующей “Польской военной организации”. Это был одновременно удар и по Сурте. С Домбалем он учился в институте красной профессуры, вместе приехали работать в Минск. С арестом Домбалья началась кампания шельмования ученых, обвинения их в притуплении бдительности, из-за чего в академии смогли внедриться агенты зарубежных разведок.

В первую очередь развернулась кампания дискредитации неизменного секретаря академии, директора Института истории Василия Щербакова, который обвинялся “в троцкизме и нацдемовщине”. Не сомневаясь в надуманности обвинений и несмотря на то что Щербаков был исключен из партии, Сурта на заседании президиума предлагает включить работы белорусского историка в состав литературы, направляемой на выставку в Париж. В дальнейшем этот факт был использован как доказательство поддержки “врагов” народа. 21 июня 1937 г. Василий Щербаков был арестован и 29 августа 1938 г. расстрелян.

В июне месяце в изоляторе НКВД очутились члены-корреспонденты АН БССР Борис Шпенцер и Яков Бронштейн, считавшиеся людьми Сурты. Основание для этого давало избрание их осенью 1936 г. членами Академии. К тому же входя в состав Президиума, Б. Шпенцер курировал строительство Академии и находился в близких служебных отношениях с президентом.

Арест группы ученых вызвал в печати критику Президиума Академии наук за отсрочку сроков созыва актива по выявлению и ликвидации результатов вредительства. Сурта понимал, что пойти на такой шаг в атмосфере страха, беспоконства сотрудников за свой завтрашний день означало увеличение числа новых жертв. Ограничились “исключением врагов народа” из состава Академии наук БССР. 11 июня 1937 г. званий действительных членов были лишены Василий Щербаков, Иван Петрович, Томаш Домбаль, Виталий Сербента, Дмитрий Жилунович, члены-корреспонденты Борис Шпенцер и Яков Бронштейн. После этого критика руководства Академии не прекратилась. 12 августа газета “Звезда” ставит вопрос о политической ответственности Президиума за вскрытое вредительство в академических институтах. Реакцией на критику явилось обсуждение 14 августа доклада комиссии по ликвидации результатов вредительства в Институте экономики. Ничего не оставалось другого, как осудить практику работы Президиума в прошлом, когда благодаря “политической слепоте” и беспечности его членов стало возможным проникновение в руководство Института экономики врагов народа Домбалья и Шпенцера [9].

16 августа 1937 г. Президиум АН БССР обсудил аналогичный доклад в отношении состояния дел в Институте истории.

Отработанный механизм травли набирал обороты. В это время тучи начали собираться над Суртой. 8 августа 1937 г. группа врачей клинического городка в Минске направила на имя секретаря ЦК КП(б) Б А. Волкова и наркома

внутренних дел Б. Бермана письмо, в котором сообщалось о “вредительской” деятельности Сурты в должности наркома здравоохранения. Авторы сигнализировали о неправильном развертывании лечебной сети, высказывался также упрек, что, одновременно возглавляя кафедру марксизма-ленинизма медицинского института, Сурта читал лекции по диалектическому материализму только аспирантам, а студенты оставались политически неподготовленными людьми [10].

9 августа сделала очередной залп по Президиуму академии наук газета “Звязда”. На этот раз вспомнили утвержденную еще в 1932 г. программу по комплексному экономическому изучению районов БССР. Естественно, в ходе проводимой работы шел сбор сведений различного характера, что было признано шпионажем [11].

Пошли письма в соответствующие инстанции и со стороны работников академии. 27 августа 1937 г. И.З. Сурту арестовали в Москве. Подвергнув абсурдным, унижительным допросам, его приговорили к расстрелу, и 20 декабря приговор был приведен в исполнение.

Трагическая судьба встретила верную подругу И. Сурты Анну Емельяновну. 28 марта 1938 г. как жена врага народа она была арестована и выслана в Темлаг. Там 17 января 1939 г. оборвалась ее жизнь. Сиротой остался девятилетний сын Феликс, которого взяла на воспитание одна из сестер Сурты.

С первых дней хрущевской “оттепели” появилась возможность узнать правду о трагедии Сурты. Еще до начала массовой реабилитации 84-летняя мать Ивана Захаровича Анастасия Григорьевна обращалась с письмом на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Клима Ворошилова с просьбой узнать правду о сыне. “Дни жизни подходят к концу, и перед смертью я хочу знать: виноват ли мой сын? — писала она. — Иван Захарович был моим самым лучшим и любимым сыном, он всегда являлся примером для окружающих и в работе, и в быту. Мое материнское сердце подсказывает, что случилась какая-то трагическая ошибка” [12].

Уже после войны, после смерти Сталина, в период начавшейся массовой реабилитации репрессированных дело И.З. Сурты было пересмотрено. Комиссия выяснила, что признание о вредительстве было добыто незаконными методами, с применением к арестованному физических мер воздействия. Дело оказалось полностью сфальсифицировано, лица, принимавшие участие в следствии, были осуждены.

26 апреля 1956 г. Военная коллегия Верховного суда отменила предшествующее решение по делу И.З. Сурты 1937 г. из-за отсутствия состава преступления.

В ходе подготовки материалов к пересмотру дела компетентные органы запросили в Министерстве здравоохранения республики материалы с целью выяснения реальной деятельности наркомата в 1933 — 1936 гг. В ответе зам. министра Д.П. Беляцкого была освещена со слов сотрудников (документов не сохранилось) деятельность аппарата Наркомздрава. Никаких “вредительских” мероприятий в его работе и самого наркома не было усмотрено. Вполне обоснованно отмечалось недостаточное количество санитарных и лечебных учреждений, длительные сроки их строительства, недостаток врачебных кадров, но все это обуславливалось причинами экономического характера.

Судьба репрессированного И.З. Сурты явилась отражением сложных, противоречивых трагических событий, происходящих в стране в первой половине прошлого века.

Иван Захарович остался человеком своего времени, до конца своих дней отданным идеалам социализма, верным сыном Беларуси.

Нам только остается сожалеть о том, что потенциал, человеческие качества этих и многих других людей не был использован в интересах общества, что на их долю выпала трагическая судьба, длительное забвение, и наш долг в том, чтобы рассказать о них: они того заслуживают.

ЛИТЕРАТУРА

1. Организаторы здравоохранения Республики Беларусь. – Минск: БАСГОР, 2002. – С. 11.
2. **Крючок, Г.Р.** К истории медицинского образования в Беларуси / Г.Р. Крючок // Сборник научных работ МГМИ. – Минск: Госиздат, 1956. – Т. 16. – С. 271-281.
3. **Волохонович, И.** Возвращение забытого имени / И. Волохонович // Белорусская нива. – 1937. – 17 декабря.
4. Архив ФСБ РФ. Материалы личного дела И.З. Сурты.
5. Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4. – Оп. 3. – Д. 92. – Л. 41-44.
6. Распоряжения Рабоче-крестьянского Правительства за 1933 г. № 1-52. – С. 62. Управление делами СНК и экономответа БССР. – Минск, 1934.
7. XI Всебелорусский съезд Советов. 20 января 1935 г. Стенографический отчет. – Минск: ЦИК БССР, 1935.
8. Центральный научный архив НАНБ (далее ЦНА НАНБ). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 23, 24.
9. Архив КГБ РБ. – Д. 6631-с. – Л. 87.
10. **Сторнин, Н.** Удивительная забывчивость / Н. Сторнин // Звезда. – 1937. – 9 августа.
11. Архив КГБ РБ. – Д. 6631-с. – Л. 77.
12. Архив КГБ РБ. – Д. 6631-с. – Л. 106.